

Научная статья
УДК 343.126.1
DOI 10.33184/pravgos-2023.3.20

Original article

РОССИНСКИЙ Сергей Борисович
Институт государства и права Российской
академии наук, Москва, Россия;
e-mail: s.rossinskiy@gmail.com;
<https://orcid.org/0000-0002-3862-3188>

ROSSINSKY Sergey Borisovich
Institute of State and Law of the Russian
Academy of Sciences, Moscow, Russia.

О ПОЛИЦЕЙСКОЙ ПРИРОДЕ ОСНОВАНИЙ ЗАДЕРЖАНИЯ ПОДОЗРЕВАЕМОГО

ON THE POLICE NATURE OF THE GROUNDS FOR DETAINING A SUSPECT

Аннотация. Несмотря на общую доктринальную проработанность проблематики задержания лица по подозрению в совершении преступления, далеко не все вопросы теории, законодательного регулирования и практики этого правоограничительного приема получили надлежащее освещение. В частности, много вопросов вызывают основания задержания подозреваемого, то есть правовые гипотезы, предопределяющие объективную потребность в применении данной меры принуждения к человеку в связи с вероятной перспективой привлечения его к уголовной ответственности. Их рассмотрению и посвящается настоящая статья. Цель: выявление подлинных причин, предопределяющих дефекты уголовно-процессуального законодательства, состоящие в отсутствии четкой взаимосвязи между установленными основаниями и вытекающими из смысла закона целями задержания подозреваемого. Методы: общенаучные (диалектический, системный, логический и др.) и частнонаучные (формально-юридический, сравнительно-правовой, историко-правовой, прогностический и др.). Результаты: установлено, что, несмотря на попытки законодателя ввести задержание подозреваемого в систему мер уголовно-процессуального принуждения, превратить его в полноценную форму реализации юрисдикционных полномочий, оно всегда было и остается не более чем превентивным полицейским приемом, позволяющим безотлагательно ограничить право человека на свободу и личную неприкосновенность до его передачи в ведение судебно-следственных органов. В этой связи институт задержания подозреваемого в целом и основания задержания в частности надлежит вывести из предмета уголовно-процессуального регулирования – они должны регламентироваться не УПК РФ, а отдельным федеральным законом.

Ключевые слова: задержание подозреваемого, заключение под стражу, меры принуждения, неприкосновенность личности, основания для задержания подозреваемого, подозрение в совершении преступления, полицейское задержание

Abstract. Despite the general doctrinal development of the problems of detaining a person on suspicion of committing a crime, not all the issues of theory, legislative regulation and practice of this law-restrictive technique have been adequately addressed. In particular, the grounds for detaining a suspect, that is, the legal hypotheses that predetermine the objective need to use this measure of coercion against a person in connection with the probable prospect of bringing him or her to criminal liability, raise many questions. This article deals with them. Purpose: to identify the real reasons that predetermine the defects in the criminal procedure legislation, consisting in the absence of a clear relationship between the established grounds and the objectives of the suspect's detention deriving from the law. Methods: general scientific (dialectical, systemic, logical, etc.) and specific scientific (formal-legal, comparative-legal, historical-legal, prognostic, etc.). Results: the author establishes that despite the attempts by the legislator to introduce the suspect's detention into the system of measures of criminal procedure coercion, to make it a full form of exercise of jurisdictional powers, it has always been and remains nothing more than a preventive police technique that allows to immediately restrict the human right to freedom and security of person until he or she is brought before judicial investigation authorities. In this regard, the institution of suspect's detention in general, and the grounds for detaining in particular, must be removed from the subject of criminal procedure regulation; they must be regulated not by the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation but by a separate federal law.

Keywords: suspect's detention, detention in custody, coercive measures, security of person, grounds for detaining a suspect, suspicion of committing a crime, police detention

Для цитирования: Россинский С.Б. О полицейской природе оснований задержания подозреваемого / С.Б. Россинский. – DOI 10.33184/pravgos-2023.3.20 // Правовое государство: теория и практика. – 2023. – № 3. – С. 175–181

For citation: Rossinsky S.B. On the police nature of the grounds for detaining a suspect. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2023, no. 3, pp. 175–181 (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2023.3.20.

ВВЕДЕНИЕ

Задержание по подозрению в совершении преступления – весьма распространенная в мировой практике мера принуждения, состоящая в кратковременном ограничении свободы человека и сопровождаемая его помещением в специальное учреждение тюремного типа, функционально предназначенное для содержания арестованных. Ввиду понятных любому специалисту причин, обусловленных естественной очередностью действий с предрасположенными к нахождению под стражей лицами – вначале превентивно задержать такого человека и только затем приступить к решению вопроса о необходимости его более длительной изоляции от общества, – подобный правоограничительный прием известен с глубокой древности и присущ работе правоохранительных органов любого государства независимо от существующих правовых традиций, способов досудебного расследования, степени правовой защищенности населения и прочих факторов. Именно поэтому различные аспекты теории, законодательного регулирования задержания подозреваемого и соответствующей правоприменительной практики давно привлекают внимание специалистов, становясь предметом многочисленных обсуждений и вызывая оживленные споры и дискуссии. В последние годы указанные проблемы стали еще более актуальными и вошли в новую фазу развития благодаря изменению концептуальных подходов к обеспечению конституционных прав и свобод личности, в особенности личности, вовлеченной в сферу деятельности правоохранительных органов.

Вместе с тем, невзирая на популярность проблематики задержания, далеко не все связанные с ней вопросы получили доктринальное освещение и удостоились должного разбора в научных публикациях. В частности, такая участь почему-то постигла основание задержания подозреваемого, то есть правовые гипотезы, предопределяющие объективную потребность в применении данной правоограничительной меры к человеку в связи

с вероятной перспективой его привлечения к уголовной ответственности.

Ученые-процессуалисты всегда воспринимали данные основания как само собой разумеющийся правовой постулат, поэтому практически никогда не подвергали их сомнению, а лишь занимались их толкованием [1, с. 9–11; 2, с. 41–49; 3, с. 81–85; 4, с. 18–21 и др.] либо вообще ограничивались банальным переписыванием соответствующих положений закона [5, с. 51–52; 6, с. 31 и др.]. Другими словами, хорошо известный каждому выпускнику юридического вуза набор оснований, позволяющих органам дознания или предварительного следствия задержать человека по подозрению в совершении преступления: если лицо застигнуто..., если на него укажут..., если при нем будут обнаружены... и т. д. – фактически превратился в некую аксиоматичную данность, то есть в совершенно очевидную, не вызывающую ни малейшей доли сомнения, не требующую опровержения правовую константу.

Но так ли это на самом деле? Так ли хорошо гармонизированы основания задержания с его сущностью и подлинным предназначением? Представляется, что указанные вопросы неразрывно связаны с рядом еще недостаточно исследованных научных проблем. Их рассмотрению и посвящается настоящая статья.

НЕДОСТАТКИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОСНОВАНИЙ ЗАДЕРЖАНИЯ ПОДОЗРЕВАЕМОГО

Действующий уголовно-процессуальный закон Российской Федерации предусматривает четыре основания задержания подозреваемого, три из которых предполагают четкие юридические факты (ч. 1 ст. 91 УПК РФ), а четвертое – гораздо большую свободу усмотрения органа дознания, дознавателя или следователя, ограниченную лишь дополнительными правовыми условиями, позволяющими прибегнуть к данной правоохранительной мере (ч. 2 ст. 91 УПК РФ). Весьма схожие нормативные конструкции присущи и более ранним кодифицированным национальным источникам уголовно-процессуального права; их же мож-

но встретить и в уголовно-процессуальных кодексах целого ряда других, в первую очередь постсоветских, государств.

Очевидно, что каждое из указанных оснований должно находиться в зависимости от достижения целей задержания подозреваемого, в противном случае применение данной правоограничительной меры становится бесцельным, превращаясь в ничем не обусловленное ограничение свободы и личной неприкосновенности соответствующего субъекта. Но вытекает ли подобная зависимость из содержания уголовно-процессуального закона?

В этой связи уместно вспомнить, что основная цель задержания лица по подозрению в совершении преступления состоит в кратковременном обеспечении его пребывания в условиях доступности для проведения первоначальных процессуальных действий, позволяющих предварительно подтвердить или опровергнуть версию о его причастности к совершению некоего преступления, как необходимого условия применения меры пресечения, в первую очередь заключения под стражу либо домашнего ареста. Не менее важные, хотя и явно производные цели задержания подозреваемого сводятся к пресечению возможных попыток уничтожения или искажения потенциальных доказательств (незаконного воздействия на свидетелей, ликвидации либо фальсификации предметов или документов и т. п.), а также предупреждению совершения новых преступлений. Эта позиция неоднократно высказывалась автором настоящей статьи [7, с. 73]; схожие позиции, с определенной степенью вариативности, выражались и многими другими учеными, посвятившими свои публикации проблемам уголовно-процессуального принуждения в целом и задержания подозреваемого в частности [8, с. 21; 9, с. 140; 10, с. 26; 11, с. 258 и др.].

В любом случае задержание подозреваемого преследует примерно те же цели, ради которых позднее избирается мера пресечения арестантского характера. И в этом нет ничего странного. Ведь по своей сути задержание – не что иное, как упрощенная, рассчитанная на непродолжительное применение форма изоляции человека от общества, обеспечивающая возможность его оперативного помещения в учреждение тюремного типа во внесудебном порядке и, следовательно, подлежащая использованию лишь в ситуациях, сопряженных с предварительным намерением следователя

(дознателя) в дальнейшем заключить подозреваемого (обвиняемого) под стражу или домашний арест.

Нетрудно предположить, что подобное сходство или даже тождество целей задержания подозреваемого и мер уголовно-процессуального пресечения должно предопределять единые, по крайней мере имеющие весьма высокую степень аналогии, основания для использования этих правоограничительных механизмов – правовые гипотезы, вызывающие потребность временного ограничения права личности на свободу и неприкосновенность. Вместе с тем законодатель подошел к решению данного вопроса несколько по-другому. Ожидаемая зависимость оснований от целей наблюдается только в части процессуальной регламентации мер пресечения. В соответствии со ст. 97 УПК РФ таковыми, как известно, считаются факты, объективно свидетельствующие о возможности и (или) намерениях лица скрыться, продолжить преступную деятельность, угрожать участникам судопроизводства и т. д. Тогда как предусмотренные ст. 91 УПК РФ основания задержания подозреваемого вряд ли можно признать находящимися в зависимости от его целей: если между ними и существует какая-либо косвенная и весьма спорная взаимосвязь, то она явно не предполагает причинно-следственного характера, не обуславливает четкую производность одного от другого. Ведь ни у дознавателя, ни у следователя, ни у кого другого не может быть уверенности в том, что если человек, например, будет застигнут при совершении преступления, то он обязательно захочет скрыться или уклониться от явки в органы предварительного расследования, если потерпевшие либо очевидцы укажут на него как на совершившего преступление, то он непременно станет продолжать преступную деятельность, если при нем обнаружатся явные следы преступления, то он, безусловно, вознамерится препятствовать дальнейшему производству по уголовному делу, и т. д.

Таким образом, в данном сегменте уголовно-процессуального регулирования наблюдается существенный изъян, выраженный в явной несогласованности, в отсутствии должной правовой гармонизации установленных ст. 91 УПК РФ оснований и как бы «вытекающих» из смысла закона целей задержания лица по подозрению в совершении преступления. И в этой связи формально предусмотренные за-

коном положения о задержании подозреваемого попадают в ту самую нормативную ловушку, о которой говорилось выше, – становятся бесцельными, устанавливают непонятно чем обусловленный принудительный механизм, выраженный в существенном ограничении свободы и неприкосновенности личности.

Причем указанные проблемы имеют значение не только для теории уголовного процесса. Они приводят к множеству ошибок и злоупотреблений в реальной правоприменительной практике органов дознания и предварительного следствия. Так, в прежних публикациях автора настоящей статьи уже приводился наглядный пример, связанный с выявлением сотрудниками московской милиции попытки незаконного сбыта на площади Курского вокзала нескольких изготовленных кустарным способом слитков серебра. В этой связи отмечалось, что возбуждивший уголовной дело по ч. 1 ст. 191 УК РФ дежурный следователь задержал подозреваемого по сугубо формальным основаниям – ввиду его захвата при совершении преступления и обнаружения у него указанных слитков драгоценного металла. Одновременно указывалось, что в реальности никакой потребности в нахождении лица в изоляторе временного содержания не существовало, в связи с чем позднее было решено освободить его под честное слово, которое он достойно сдержал [12, с. 50–51]. И это далеко не единичный случай, современная следственная практика просто изобилует подобными ситуациями.

Прекрасно осознавая бессмысленность дальнейших арестов многих попадающих в сферу уголовного преследования лиц, в частности понимая бесперспективность направления в суды соответствующих ходатайств, сотрудники органов дознания и предварительного следствия нередко задерживают подозреваемых, преследуя явно незаконные цели, например, не желая взять на себя дополнительную ответственность, подвергаться нареканиям не вполне компетентного руководства, а то и вовсе рассчитывая использовать последующее освобождение задержанного как повод для коррупционного обогащения. К тому же установленные законом правила задержания формально позволяют прибегать к возможности применения этой меры по подавляющему большинству уголовных дел. В частности, положения гл. 12 УПК РФ не обязывают распознавать фактиче-

скую целесообразность задержания подозреваемого, подобно тому как это определено в ст. 99 УПК РФ для избрания меры пресечения; вытекающая из смысла ст. 92 УПК РФ прикладная технология оформления протокола задержания фактически лишает сторону защиты перспективы обжалования данного процессуального акта и т. д.

Замысел настоящей статьи не предполагает очередного (какого по счету?) рассмотрения системных недостатков, присущих кадровому обеспечению уголовной юстиции, в том числе выраженных в непрофессионализме многих должностных лиц органов предварительного расследования, в отсутствии у них должного правосознания, правопонимания, ответственности, в склонности некоторых из них к коррупционному поведению и т. д. Тем более что наблюдаемые в этом сегменте правоприменительной практики ошибки и злоупотребления все-таки обусловлены совершенно иной причиной – изначально неверным законодательным подходом к пониманию оснований задержания лица по подозрению в совершении преступления.

Представляется, что, будучи определены как основания задержания подозреваемого, положения ст. 91 УПК РФ включают совершенно иные правовые гипотезы – предусматривают юридические факты, позволяющие выдвинуть версию о криминальном характере действий (бездействия) человека, попавшего в зону внимания правоохранительных органов. Другими словами, эти положения *содержат не столько основания для задержания, сколько основания для подозрения данного лица в подготовке преступления, покушении на преступление либо совершении оконченного преступления* и, таким образом, определяют потребность в осуществлении в отношении него персонифицированного уголовного преследования. Например, к какому предположению подталкивают сведения о том, что некий человек был застигнут в момент совершения преступления? Какое предположение напрашивается при указании потерпевшим или очевидцами на данного человека как на совершившего преступление или при обнаружении на нем, его одежде, при нем либо в его жилище соответствующих следов? Ответ на данные вопросы представляется очевидным – предположение о причастности этого лица к соответствующему преступлению, требующее либо последующего подтверждения со-

вокупностью доказательств, либо опровержения. При этом, как справедливо писал И.М. Гуткин, указанные обстоятельства вовсе не определяют потребности в неотложном помещении такого человека в изолятор временного содержания, равно как и последующее обвинение не обуславливает необходимости его обязательного заключения под стражу [13, с. 32].

Причины возникновения ошибочного законодательного подхода к пониманию оснований задержания

В принципе, подобное «открытие» не обладает абсолютной новизной: ввиду всей очевидности близкие позиции уже высказывались в ряде публикаций. Правда, они остались практически незамеченными, не вызвали никакой реакции в научном сообществе и вполне ожидаемо не получили никакой поддержки со стороны законодателя [14, с. 52; 15, с. 138; 16, с. 147].

Но учеными никогда не предпринимались попытки выявления подлинных причин, повлиявших на возникновение ошибочного законодательного подхода к пониманию оснований задержания лица по подозрению в совершении преступления. Между тем представляется, что надлежащее осознание подобных причин – необходимая и первоочередная задача в преодолении возникших в данном сегменте правового регулирования проблем, без разрешения которых ни разумное совершенствование уголовно-процессуального закона, ни оптимизация соответствующей правоприменительной практики не имеют никаких приемлемых перспектив. К тому же существующие основания задержания подозреваемого не изобретены ни советскими, ни постсоветскими правотворцами; они имеют гораздо более длинную, уходящую корнями далеко в прошлое историю, в связи с чем предполагают высокую степень разработанности и применяются во множестве государств. Подобные нормы были присущи еще Уставу уголовного судопроизводства 1864 г., причем на их формирование сильное влияние оказали соответствующие положения так называемого Наполеоновского кодекса (Кодекса уголовного следствия Французской империи 1808 г.), унаследовавшего классический средневековый институт *in flagranti* (действия полиции при обнаружении преступления с поличным)

[17, с. 530]. И поэтому нет ничего странного в том, что содержание ст. 91 УПК РФ сильно напоминает аналогичную норму действующего Уголовно-процессуального кодекса Французской Республики 1958 г., входящую в раздел, регламентирующий порядок дознания по очевидным преступлениям. Неудивительно и то, что практически тождественные основания для задержания были предусмотрены в советском законодательстве и, как отмечалось, сохранились в подавляющем большинстве уголовно-процессуальных кодексов постсоветских государств.

Так почему же выработанные и настолько хорошо апробированные в мировой практике положения о задержании лица по подозрению в совершении преступления вдруг оказались не вполне пригодными для российской системы уголовной юстиции? Что привело к наблюдаемому в настоящее время правовому изъяду, оказывающему достаточно деструктивное влияние на деятельность органов предварительного расследования?

Ответить на данные вопросы не так уж и сложно. Дело в том, что, несмотря на все попытки советского и постсоветского законодателя ввести задержание подозреваемого в систему мер уголовно-процессуального принуждения, превратить его в полноценную форму реализации юрисдикционных полномочий, *оно всегда было и продолжает оставаться не более чем превентивным полицейским приемом, позволяющим безотлагательно ограничить право человека на свободу и личную неприкосновенность до его передачи в ведение судебных-следственных органов*. Именно на основе такого понимания задержания подозреваемого и формировались положения уголовно-процессуального права различных государств, устанавливающие основания для применения данной меры; оно же определяло и соответствующие нормы Устава уголовного судопроизводства Российской империи и первых советских уголовно-процессуальных кодексов.

В отличие от наделенных юрисдикционной правосубъектностью участников уголовного судопроизводства (суда, следственного судьи, следователя и т. д.) работа полиции либо иных правоохранительных органов полицейского типа не связана с вынесением полноценных правоприменительных решений и не вызывает столь серьезных, влияющих на положение участвующих лиц юридических последствий. Полицейские служащие не обременены

предписанием квалифицировать содеянное, не обязаны полно, всесторонне и объективно устанавливать все имеющие значение для уголовного дела обстоятельства. От них требуется лишь оперативно отреагировать на сообщение о преступлении, обеспечить сохранность следов, предрасположенных к утрате или изменению, задержать подозреваемого (!) либо провести упрощенное полицейское расследование в форме дознания. Таким образом, выдвигаемое ими полицейское подозрение еще не является подозрением в привычном для современной уголовно-процессуальной доктрины понимании, то есть сопряженной с введением лица в новое юридическое состояние – в статус подозреваемого – формой уголовно-процессуального реагирования следователя (дознателя) на обстоятельства, свидетельствующие о возможной причастности этого лица к преступлению. Полицейское подозрение предполагает какое-то более бытовое, универсальное, не имеющее четкого процессуального смысла понимание, поэтому в реальной практической деятельности обычно сливается с основаниями для задержания соответствующего человека в некую единую общность. Так, с одной стороны, сотрудникам правоохранительных органов надлежит осознать возможную причастность лица к противоправному деянию, то есть подозревать его в совершении данного деяния, а с другой – осуществить превентивное ограничение его свободы для обеспечения производства ряда первоначальных процессуальных действий.

Однако, как неоднократно отмечалось в публикациях автора настоящей статьи, ввиду ряда факторов и исторических катаклизмов XX в. в России постепенно сформировалась самобытная национальная модель досудебного производства, характеризующаяся бессистемным переплетением разных, в том числе плохо совместимых, элементов, присущих другим моделям досудебного производства, что выражается в интеграции функций «полиции» и функции «юстиции», в частности в наделении представителей органов исполнительной власти полицейского типа юрисдикционной правосубъектностью, позволяющей выносить имеющие юридические последствия правоприменительные акты [18, с. 64]. Именно этим и объясняются изъяны положений уголовно-процессуального законодательства, определяющих основания для задержания подозреваемого.

По всей вероятности, разработчики УПК РСФСР 1960 г., а вслед за ними и авторы действующего УПК РФ просто не уделили должного внимания указанным обстоятельствам, сохранив для задержания подозреваемого прежний, хорошо апробированный, но при этом предназначенный для правоохранительных органов полицейского типа и явно не рассчитанный на использование в следственной практике правовой режим. Более того, складывается впечатление, что, формулируя основания задержания подозреваемого, законодатель окончательно запутался в указанных вопросах, поскольку в качестве одного из таковых предусмотрел «иные данные, дающие основания подозревать (!) лицо в совершении преступления» (ч. 2 ст. 122 УПК РСФСР 1960 г., ч. 2 ст. 91 УПК РФ).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В завершение стоит отметить, что допустимый объем настоящей статьи заставляет автора ограничиться сказанным и не вносить сиюминутных предложений, направленных на совершенствование российского законодательства, в целях устранения выявленных нормативно-правовых изъянов и, как следствие, оптимизации правоприменительной практики. В этой связи целесообразно сформулировать лишь самый общий вывод: в условиях сохранения существующей системы механизмов выявления, раскрытия и расследования преступлений, с одной стороны, основанной на жестком разграничении процессуальных и непроцессуальных (полицейских) полномочий, а с другой – предполагающей наделение органов исполнительной власти полицейского типа юрисдикционной правосубъектностью, *институт задержания подозреваемого в целом и основания задержания в частности не должны входить в предмет уголовно-процессуального регулирования и регламентироваться УПК РФ*. Представляется целесообразным разработать и ввести в действие отдельный законодательный акт, устанавливающий основания, условия правомерности и порядок задержания лица по подозрению в совершении преступления – по аналогии с некогда существовавшим Положением о порядке кратковременного задержания лиц, подозреваемых в совершении преступления, утвержденным Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 июля 1976 г. № 4203-IX.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Соловьев А.Д. Задержание подозреваемого и применение мер пресечения / А.Д. Соловьев, И.А. Гельфанд ; отв. ред. И.Д. Бондаренко. – Киев : Министерство охраны общественного порядка УССР, 1964. – 36 с.
2. Березин М.Н. Задержание в советском уголовном судопроизводстве / М.Н. Березин, И.М. Гуткин, А.А. Чувилев. – Москва : Академия МВД СССР, 1975. – 93 с.
3. Авдеев В.Н. Подозреваемый в уголовном судопроизводстве России / В.Н. Авдеев, Ф.А. Богацкий. – Калининград : Калининградский юридический институт МВД России, 2006. – 160 с.
4. Ретюньских И.А. Об основаниях задержания лица, подозреваемого в совершении преступления / И.А. Ретюньских // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2016. – № 1. – С. 18–21.
5. Григорьев В.Н. Задержание подозреваемого / В.Н. Григорьев. – Москва : ЮрИнфоР, 1999. – 541 с.
6. Копылова О.П. Меры принуждения в уголовном процессе / О.П. Копылова. – Тамбов : Изд-во Тамбовского государственного технического университета, 2011. – 120 с.
7. Россинский С.Б. Цели задержания подозреваемого в общем механизме ограничения права человека на свободу и личную неприкосновенность / С.Б. Россинский // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2018. – № 10. – С. 71–79.
8. Клюков Е.М. Мера процессуального принуждения / Е.М. Клюков. – Казань : Изд-во Казанского университета, 1974. – 108 с.
9. Коврига З.Ф. Уголовно-процессуальное принуждение / З.Ф. Коврига. – Воронеж : Изд-во Воронежского университета, 1975. – 175 с.
10. Зайцева Л.Л. Задержание в уголовном процессе Республики Беларусь / Л.Л. Зайцева, А.Г. Пурс. – Минск : Харвест, 2011. – 224 с.
11. Смолькова И.В. Подозреваемый и его процессуальное положение в российском уголовном судопроизводстве / И.В. Смолькова. – Москва : Юрлитинформ, 2020. – 456 с.
12. Россинский С.Б. Задержание подозреваемого: конституционно-межотраслевой подход / С.Б. Россинский. – Москва : Проспект, 2019. – 188 с.
13. Гуткин И.М. Актуальные вопросы уголовно-процессуального задержания / И.М. Гуткин. – Москва : Академия МВД СССР, 1980. – 89 с.
14. Козловский Н.А. Подозрение в советском уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Н.А. Козловский. – Свердловск, 1989. – 166 с.
15. Волошкина Н.Н. Обеспечение конституционного права на неприкосновенность частной жизни при производстве предварительного следствия : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Н.Н. Волошкина. – Ростов-на-Дону, 2000. – 199 с.
16. Зайцев О.А. Подозреваемый в уголовном процессе / О.А. Зайцев, П.А. Смирнов. – Москва : Экзамен, 2005. – 320 с.
17. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. – Москва : Статут, 2016. – 1278 с.
18. Россинский С.Б. Российская система досудебного производства как синтез различных типов уголовного процесса / С.Б. Россинский // Государство и право. – 2023. – № 4. – С. 58–65.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Россинский Сергей Борисович – доктор юридических наук, главный научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Rossinsky Sergey Borisovich – Doctor of Law, Chief Researcher of the Sector of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology of the Institute of State and Law.

Статья поступила в редакцию 01.06.2023; одобрена после рецензирования 19.06.2023; принята к публикации 19.06.2023. The article was submitted 01.06.2023; approved after reviewing 19.06.2023; accepted for publication 19.06.2023.

REFERENCES

1. Soloviev A.D., Gelfand I.A. ; Bondarenko I.D. (ed.). Detention of a suspect and application of preventive measures. Ministry of Public Order of the Ukrainian SSR Publ., 1964. 36 p.
2. Berezin M.N., Gutkin I.M., Chuvilev A.A. Detention in Soviet criminal proceedings. Academy of the Ministry of Internal Affairs of the USSR Publ., 1975. 93 p.
3. Avdeev V.N., Bogackiy F.A. Suspect in Russian criminal proceedings. V.N. Avdeev. Kaliningrad Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 2006. 160 p.
4. Retunskih I.A. About the grounds of detention of person, suspected of commission of crime. *Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation*, 2016, no. 1, pp. 18–21. (In Russian).
5. Grigoriev V.N. Detention of a suspect. Moscow, YurInfoR Publ., 1999. 541 p.
6. Kopylova O.P. Coercive measures in criminal proceedings. Tambov State Technical University Publ., 2011. 120 p.
7. Rossinsky S.B. Purpose of detention of a person suspected of committing a crime in the general mechanism of restriction personal freedom and inviolability. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*, 2018, no. 10, pp. 71–79. (In Russian).
8. Klyukov E.M. Measure of procedural coercion. Kazan University Publ., 1974. 108 p.
9. Kovriga Z.F. Criminal procedural coercion. Voronezh University Publ., 1975. 175 p.
10. Zaitseva L.L., Purs A.G. Detention in criminal proceedings of the Republic of Belarus. Minsk, Harvest Publ., 2011. 224 p.
11. Smolkova I.V. The suspect and his procedural position in Russian criminal proceedings. Moscow, YurLitinform Publ., 2020. 456 p.
12. Rossinsky S.B. Detention of a suspect: constitutional-intersectoral approach. Moscow, Prospekt Publ., 2019. 188 p.
13. Gutkin I.M. Current issues of criminal procedural detention. Academy of the Ministry of Internal Affairs of the USSR Publ., 1980. 89 p.
14. Kozlovsky N.A. Suspicion in Soviet criminal proceedings. Cand. Diss. Sverdlovsk, 1989. 166 p.
15. Voloshkina N.N. Ensuring the constitutional right to privacy during the preliminary investigation. Cand. Diss. Rostov-on-Don, 2000. 199 p.
16. Zaitsev O.A., Smirnov P.A. Suspect in criminal proceedings. Moscow, Ekzamen Publ., 2005. 320 p.
17. Golovko L.V. (ed.). Course in criminal procedure. Moscow, Statut Publ., 2016. 1278 p.
18. Rossinskiy S.B. The Russian system of pre-trial proceedings as a synthesis of different types of criminal procedure. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2023, no. 4, pp. 58–65. (In Russian).